

Александр**БАЛТИН**

г. Москва

*Ветер,**играющий**листьями жизни*

Лёгок лепесток, воздушен, и когда он, словно отражаясь в сознании и в человеческой жизни, попадает в объектив поэта, рождаются множественные ассоциации:

*На кругосветку лепестка
Не хватит сил, наверняка
Желанья наши убывают...
Виденьем слёзным уплывают –
Из-под полуприкрытых век –
Верхушки вех, излуки рек,
Тропа, зовущая на пристань...
Стремится к свету материнства
Девичий вздох, к груди – дитя...*

Олег Мошников туго соплетает узоры строк, предлагая читателю интереснейший смысловой орнамент...

Стих пропитан плазмой жизни: и брызжет соком оной; подразумевая при этом метафизическое осмысление феномена бытования на земле.

Книга «Листья на ветру», включающая стихи и переводы, раскрывается каждым стихотворением в душу читателя, призывая к работе: неустанной, неукоснимой, солнечной.

*В глубь распахнувшихся страниц –
Незарастающей тропой...
Доколе, память, нам с тобой
Считать до ночи книжных птиц?*

Именно глубь есть стремление Мошникова: глубь жизни, космоса её, её пространств...

Разумеется, она разнолика, но даже касаясь строкой бытовых подробностей, поэт словно показывает те или иные черты души:

*Путаюсь в помочах... Гольфы противные!
Узел затянутый – хоть не шнуруй...
Падаю... Падаю! Тети наивные
Лезут с советами: Больно? Подуй!*

Так раскроется материк детства: он будет мерцать драгоценными оттенками, совмещающими радость и грусть: в жизни, как известно, многое совместимо.

Мир одушевлён для поэта: он наполнен живописью духа: волнующей и таинственной, не становящейся более слабой с годами, напротив – обретающей новую силу, поэтому:

*Живём? Живём... Желая нови,
латаем старые мечты:
живое кружево любви,
платок осенней чистоты.*

*С годами дольше и теплее
прикосновение руки,
и свет в окне ладони греет,
и жарче шепчутся стихи.*

Тема всеобщности, единого дела жизни, некогда означенная старым русским философом Фёдоровым, проявляется в поэзии Мошникова золотыми словесными перьями жар-птицы...

Поэт совмещает лёгкость, звуковую полётность строки – с вещностью, с предметностью мира.

Вот «Весенний дождь» – он звонок, и звукопись поэта точно соответствует каплям, оставляющим своеобразный рисунок на читательском сердце:

*Родился, крестился, влюбился:
Стучит о железный карниз,
Победы-обиды-гостинца
Рассыплет капельница-Жизнь*

*Без жали – к чему тебе эта
И та скоротечная мысль?..
Туманною строчкой рассвета
С полночным дождём поделись...*

Россия пронизывает поэзию поэта: он отменно чувствует родной северный пейзаж и, живописуя оный, достигает высокой концентрации верных красок.

*Прутики мои, прутики –
В чаще лесной путики,
Дар берегов Севера,
Мёрзлого голого дерева...
Святы дела Божии! –
В банке с водой ожили,
Смерть преступив первую,
Став поутру – вербою...*

Зримы прутики, оживающие в вербу; со страницы – можно взять её, прикоснуться к барашкам – пушистым почкам.

История раскрывается Мошниковым как область размышлений: и снова конкретика материала предстаёт золотой основой стиха:

*Вестимо Империя ходит под Богом:
На ботике царском, сквозь дым канонад! –
Свидетелем славным начальным истокам
Явилась Петровская церковь-фрегат...*

Церковь-фрегат точно парит над временем, и былое, вмещённое в настоящее, воспринимается столь красочно...

Мир широко входит в действительность Мошникова, давая поэтические картины световой яркости:

*Ползут на гору Монсеррат
Вагоны весело.
Туманом куц монастыря
Не занавесило.*

*Костёл, капелла, щебет муз –
Вокруг да около:*

*Монументальный фотогруз –
Клади на «Облако»...*

Так отворяется стихотворение «По Испании»; есть и Кахетия, и Будапешт, и Иерусалимский храм: поэт стремится вместить как можно больше: в каждую строфу, что уж стихотворение!

«Листья на ветру» колышутся и трепещут, рассыпая огни радости, прокалывая сознание звёздами печали; книга дышит и живёт, и мера её подлинности, определённая дарованием поэта, высока.

Дмитрий ЕРМАКОВ

г. Москва

Листья на ветру поэзии

(О книге Олега Мошникова «Листья на ветру»)

С Олегом Мошниковым мы познакомились на первом Всероссийском совещании молодых писателей в Липках. В 2001 году... Давно...

И вот передо мной очередная его книга, «Листья на ветру», далеко не первая в творческой котомке Олега Эдуардовича. Издана книга замечательно (так классиков издают). В ней и стихотворения разных лет, и переводы с финского, карельского, вепсского языков.

Уже давно наблюдая за неторопливой и серьёзной работой в литературе Олега Мошникова, я впервые столь подробно и внимательно прочитал его. И не пожалел, а порадовался тому, что прочитал...

«Листья на ветру» – это и название книги, и название одного из её разделов, и строчка первого стихотворения, и переключка со многими стихами книги. Да вся эта книга – листья-страницы на ветру поэзии.

Эти листья помнят ветви и ствол родового древа: то и дело обращается поэт к памяти об отце, маме, деде...

*...И чувство – будто мама рядом,
Из леса кепку – всю в опятах –
Принёс отец... И рвёт на части
Жизнь – это сказочное счастье –
Сердца, как листья на ветру!
И люди-реки не умрут
В своём текучем небосходстве! –
В щемящей детскости, в сиротстве,
В листве, оброненной в поток...*

А ветер поэзии летит дальше, вот – опустил белый лист на «бессонную тумбочку» дневального по роте, и на этот лист ложатся строки письма или первых стихов...

А ветер-время летит... Вот уже и обращение к собственному сыну, и чудная грустная колыбельная:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БЕЛОЙ МЕДВЕДИЦЫ

*Кто не боялся исчезнуть,
Вычерпав время до дна?
В чёрную, стылую бездну
Старая сходит луна:
Будто крикливою зыбкой
Поезд ушёл под откос...*

*Венчана детской улыбкой,
Запахом мягких волос
Белой Медведицы песня –
Тихого счастья полна!*

*В сонных ресничках исчезнет
И – возродится луна.*

Не удержался и процитировал всё стихотворение. А как говорить о поэзии, не давая попробовать её на вкус?..

Но ветер поэзии летит дальше...

И будто сыну своему (и всякому внимательному читателю) рассказывает Олег Мошников о родной для себя земле – земле вепсов, о родном языке:

*... Язык – наша гордость, язык – наша память! –
На вепсской земле не бывало межи...
На взгорках Онежских малиновый камень –
Щитом нерушимой державы лежит*

*В подножьях церквей, обелисков солдатских...
Заветную, кодима, дверь отвори! –
Шевелятся щуки в затонах рыбацких,
Зазывно токуют в бору глухари...*

(«Кодима» по-вепски – родная земля – **Д. Е.**)

212 *Дмитрий Ермаков*

Есть в этой книге и «свободные стихи» – верлибры. Это не словесная эквилибристика, поиск «новой формы» ради самого поиска, это поэзия, выбравшая для себя такую (всегда единственную) форму...

СВЕЧЕНИЕ

*Когда идёшь по зимнему лесу
в северных сумерках,
по едва приметной стёжке
в глубоких сугробах,
можно заметить
на искрящемся снегу
впереди себя
таинственное свечение,
как будто за твоей спиной
парит светящийся ангел.
Легко заметить тропу.
Легко идти,
имея за пазухой
лёгкую светлую душу.
Легко дарить свет
заснеженным деревьям,
озябшим птицам,
низкому свинцовому небу...
Трудно обернуться,
чтобы увидеть позади себя
ту же темноту.*

И, конечно, стихи о любви. О любви к земной женщине. О том, как это: заглянуть в любимые глаза в дни молодости. О том, как в зрелости: «...В мир – необъятный, душевный, семейный – до бесконечности можно глядеть...»

Ветер ходит кругами, ветер веет где хочет, ветер несёт опавшие листья, то возвращаясь в молодость, то обращаясь к истории, то улетаая в будущее... То обращаясь к ушедшим друзьям... Вот стихотворение «Поздняя осень», посвящённое поэту Николаю Абрамову:

*В реку ветер листья гонит
Поздно.
К другу не зайти...
«Чуть помедленнее, кони, –
Хриплый диск не завести,
Недослушать строф хороших,
Смятых рукописей книг.
Друг ушедший верил больше,
Откровеннее других –
В крест судьбы...
Себе пророча
Участь листьев на ветру...*

Вспомнился Рубцов: «... я был в лесу листом, я был в лесу дождём...»

Но, безусловно продолжая классическую линию русской поэзии (в том числе и Рубцова), Олег Мошников нашёл свою поэтическую тропку. Не похожую ни на какую другую. Сохранив в себе память своих лесных и озёрных предков – летописной «белой веси», любя и храня эту память, поэт сказал и о своей любви к России (какая же Русь без веси, чуди, мери?..). По этой вепсской, лесной, травяной, лиственной тропе вышел он на дорогу большой русской литературы.

И не только сам вышел, но и вывел поэтов, пишущих на финском, карельском, вепсском языках. Последняя глава книги отдана переводам и называется «Листья на ветру» (не забудем строчку из первого стихотворения сборника «Сердца, как листья на ветру»)...

Пусть здесь будет одно стихотворение Николая Абрамова (в переводе с вепсского Олега Мошникова):

*Реки чудские, родные озёра –
В ряби осенней, в промоинах льда.
Гоном лосиным, медвежьим дозором –
Милую весь узнаю по следам.*

*Рыбой солёной, ягодой винной –
Радостью стылую душу согрей! –
Песней весенней, тайгой глухаринной,
Осенью светлой – тоской журавлей.*

*Родина: сердце моё не оставит –
Время кипящих черёмухой дней...
Плечи берёзок, вепсских красавиц –
Сводят с ума деревенских парней.*

*Где они – милые сердцу картинки?
Смутное время – берёт в оборот...
Всё в суете – зарастают тропинки.
Вклинился в берег чужой загород.*

*Лихо смогу горотьбу оседлать я
И за деревней примерить готов
В роще зелёной крестьянское платье,
Шапку щекочущих летних цветов!*

А ветер поэзии летит дальше, подхватывает листья, кружит, превращая их в листы новой книги...

